

*Вот и всё, что было, —
Не было и нету.
Правильно и ясно.
Здорово и вечно.
Всё как у людей.*

ЕГОР ЛЕТОВ

От автора

Это второе, дополненное и откаченное к авторской версии издание сборника, вышедшего в 2021 году. Здесь собраны почти все, скажем так, нереалистические повести и рассказы для взрослых, которые я написал за двадцать лет (еще отдельными книжками выходили повесть и рассказ для подростков).

Все эти двадцать лет меня называли фантастом. Пару пяти-леток я терпеливо объяснял, что фантастику люблю читать, а писать не умею, потом понял, что бесполезно. И, чтобы избавиться от комплекса самозванца, начал сочинять фантастику, а заодно мистику и хоррор, — держась, как правило, малой формы. Не без труда.

Рассказы я писал в детстве, а когда вырос, перестал, и все написанное чудесным образом потерял. Всерьез я взялся за прозу ближе к тридцати, и почему-то с самого начала наиболее естественным и удобным для меня жанром оказался роман. Сюжеты для рассказов и повестей, конечно, придумывались, записывались пачками, но тут же забывались. Смысла тратить время и силы на небольшие тексты я не видел.

Возможно, потому, что малая повествовательная форма слишком близка к журналистским форматам, которыми я занимаюсь по жизни и профессионально. Ну и некуда было особо-то писать. Новое время вымыло из читательского оборота литературную периодику и приязнь к сборникам.

Но времена меняются — и местами к лучшему.

Большинство представленных в книге текстов появилось в ответ на просьбы, подначивания и попытки взять «на слабо». Обычно на предложение написать что-нибудь для кого-нибудь я реагирую вежливым отказом, прикрывающим панику и агрессивную лень. Но иногда предложение цепляется за давнее печальное размышление: «Вот из этого мог бы получиться неплохой рассказ, кабы я писал рассказы» — и я, попыхтев, сажусь за текст.

За пару десятилетий я написал двенадцать романов, подростковую повесть, несколько рассказов и вот эту книжку.

Это просто фантастика.

Это второй мой взрослый прозаический текст, интересный сразу несколькими обстоятельствами.

Во-первых, сюжет родился из случайно увиденной надписи мелким шрифтом на этикетке: «Вода добывается из юрских пластов». Строчка немедленно развернулась в цепочку размышлений, которая должна была стать основой микрорассказа странички на четыре. А в итоге я хватал себя за руки и рубил по живому, чтобы не свалиться в эпос, каковой представляется мне слишком жирной проекцией одной строчки.

Во-вторых, «Эра Водолея» заставила меня смириться с тем, что ничего нельзя придумать, — потому что все придумано за нас. Я писал повесть, тихо радуясь свежести сочиненного хода: мелкая политическая интрига перетекает в запредельную жуть. Хотя помнил, конечно, и волшебные повести Пу Сунлина, и мистическое вмешательство в политическую паутину Датского королевства. А дописав, прочитал статью про татарский фольклор — и обнаружил, что ничего я не сочинил, а просто нечувствительно перенес в наши дни популярнейший полтыщи лет назад сюжет. Впрочем, это обстоятельство меня не столько расстроило, сколько развеселило. Получается, не зря вышли мы все из народа.

Наконец, именно «Эра Водолея» и обстоятельства ее публикации определили мою, скажем так, литературную репутацию и судьбу. Я был журналистом самой авторитетной газеты страны и автором залихватского политического триллера, напечатанного полутора годами раньше. Соответственно,

шансов увернуться от этикеточки либерально-патриотического публициста у меня почти не было. Вопрос состоял лишь в том, к какому роду диванных войск меня приписать. И тут вышел второй мой текст, мало того что не слишком, прямо скажем, стандартный и форматный, так еще опубликован он был в знаменитом литературном «толстом» журнале «Знамя», напечататься в котором — честь и предмет мечтаний любого человека, связанного с отечественной литературой. Столь замысловатое сочетание привело заметную часть критиков и экспертов в очевидное замешательство, а мне позволило следующие лет десять провести в мерцающем режиме автора, которого проще не заметить, чем мучиться с его корректным описанием.

Хорошее было время.

Эра Водолея

Федеральный инспектор

Денис подозревал, что шеф вернется из Нижнего огорченным. Но такую степень нервного расстройства предвидеть было невозможно. Выражение «не в духе» представлялось географически некорректным — складывалось ощущение, что дух так и завис в Нижнем, подваливаться горьким полустоличным тлением. А шеф — вот он, прибыл и вызвал.

И теперь из Дениса тоже дух вон. Совсем.

— Денис, — ласково сказал ГФИ. — Напомни, когда у Мухутдинова полномочия кончаются?

— Четырнадцатого марта, — удивленно сказал Денис.

— А сегодня у нас что?

— Седьмое июля.

— И остается сколько? — не меняя интонации, спросил ГФИ.

— Ренат Асрарович, не мучайте, — подумав, сказал Денис. — Что случилось-то?

— А ничего не случилось. Ничего, Денис Маратович, не случилось. Потому что мы, Денис Маратович, ни черта не сделали. И ни хера не подготовились к внесению. А вносить уже через месяц надо. И что?

— Так есть же список, — не понимая, сказал Денис.

— Нету! — воскликнул ГФИ и даже привстал. — Нету. Полпред его вот так вот взял, херакс — пополам, херакс — еще раз пополам. И нету списка. И сказал: вот, дорогие коллеги, из-за таких списков у нас вертикаль власти похожа на Пизанскую башню. Сначала, грит, предлагаем обсосов или кретинов с вот такими рылами, потом продвигаем их сквозь дождь и ветер, потом, грит, вытираем им носы и греем задницы.

А потом начинаем снимать. Потому что они доказывают, что в самом деле обсосы и кретины. Спасибо, грит, Ренату Асраровичу за блестящую иллюстрацию. Вот. А от меня тебе, Денис, персональное спасибо. Помог произвести впечатление.

— Зачем вы так говорите, Ренат Асрарович? — спросил Денис. — Нам же сам полпред жесткую установку давал, как составлять. С партиями, с общественными организациями. На совете нашем обсудили...

— Да что твой совет! Шушеру набрали, теперь без вони и не выгонишь, — сообщил ГФИ и уставился в окно.

Денис не стал напоминать, что совет создан при ГФИ и по его инициативе. И шушеру из наиболее амбициозных чиновников и крикливых бизнесов ГФИ набирал самолично. И не он был виноват в том, что нижегородское начальство получило новые ЦУ и принялось претворять их в жизнь — со всей доступной полпреду живостью и последовательностью. Вины Дениса в этом тоже не было, но сегодня он был крайним. А крайнему лучше отмалчиваться, пока туча не опорожнится. Вот Денис и решил отмалчиваться.

Не удалось.

— Молчать будем или конструктив предлагать? — не отрывая взгляд от окна, осведомился ГФИ.

— Ну, что конструктив... Можно вернуться на исходные, взять лонг-лист...

Зря Денис это сказал. ГФИ вместе с креслом подпрыгнул чуть ли не выше верхней кромки монитора.

— Лонг-лист! Им даже задницу не вытереть — не расцарапаешься, так отравишься через анус. Мне этим лонг-листом чуть щеки вчера не отрезали! Сказали, что я странно понимаю суть кадровой политики. Денис, ты не понял, что ли? В обоих списках — что коротком, что в лонге этом — либо обсосы, либо люди Мухутдинова! Это что, операция «Спецпреемник»? Извини, у нас для удачного проведения таких операций другие люди есть. И не здесь.

Денис открыл было рот — но тут же и закрыл. Уставал он от таких разговоров. Да и чего было говорить? Вводная поменялась. Все свободны, все на свалку. Напрасными оказались несколько месяцев напряженной и неприятной работы, выматывающих консультаций, общения с настойчивыми людьми, почти каждый из которых пытался доказать, что именно он — тот, кто нужен Кремлю. Одни тупо пытались купить, другие просто хотели понравиться — но почти все стремились утоптать возможных конкурентов. От этих экскурсий в банку с пауками Денис устал страшно. На одно надеялся — что ГФИ после поездки в Нижний отпустит Дениса в отпуск. На неделю хотя бы. Личные дела в норму привести.

Надежда умерла. И явно не последней. Следующей, судя по Светкиным заявлениям, была любовь. А с верой Денис покончил давно и самостоятельно.

— В общем, ищи мне верного кандидата, — велел ГФИ и посмотрел на подчиненного.

— Хорошо, — ответил подчиненный и повернулся, чтобы идти. Делов-то. Велели есть контакт, будем есть контакт.

И тут ГФИ сказал главное:

— Сегодня ищи.

— Как это? — не понял Денис.

— Вот так это, — устало ответил ГФИ. — Сегодня даешь мне список новых людей. И не обсосов. Помнишь, как Стендаль говорил?

У Дениса при слове «Стендаль» перед глазами возник только черный облезавший дерматин корешков четырехтомника в родительском шкафу, а потом — широкое красивое лицо актера из древнего боевика про пиратов. Он на всякий случай неопределенно усмехнулся.

— Опирайтесь можно только на то, что оказывает сопротивление, — объяснил ГФИ, видимо, словами Стендаля. — Понимаешь? Наша задача — найти того, кто оказывает сопротивление, измерить это сопротивление, опереться — и представить

его руководству. Если убедимся, что человек, понимаешь, достоин. Понимаешь? Достоин. Все, иди. Вечером жду.

Денис сначала запретил себе хлопнуть дверью, потом плавно развернулся, вышел, умело не хлопнув дверью, и дошагал до своего кабинета. Там он тоже не хлопнул дверью, аккуратно ее затворил и только после этого вполголоса сказал несколько десятков слов, которые не имели отношения к поставленной начальством задаче.

Задача решения не имела. Лонг-лист можно было критиковать по разным причинам, но он ведь был исчерпывающим. За его пределами остались только маргиналы и реальные обсосы.

Денис понимал, что эта максима, как и всякое утверждение, была ложью. В лонг-лист вошло пятьдесят два человека. В Татарстане жили четыре миллиона человек. Наверняка среди них можно было не найти, так самим вырастить из произвольно взятого эмбриона мощного и динамично развивающегося политика, который при этом гарантированно не оказался бы преемником Мухутдинова. Беда в том, что подобные селекционные мероприятия даже у Мичурина и даже с растениями занимали по несколько лет — и без гарантированного результата. Экзерсисы с людьми были совсем неплодотворными, о чем свидетельствовала вся человеческая история и немножко культура (Галатея, Голем там всякий, чудовище Франкенштейна опять же). Правда, у России собственная гордость. Денис давно подозревал, что именно величина национальной гордости, а также само ее наличие у образования, традиционно относимого к женскому роду, мешает поступательному движению родины.

Был еще резерв «запредельщиков» — татар, живущих за пределами Татарстана. Москва почему-то никак не могла отделаться от убеждения, что республикой может править только представитель коренной национальности (это был третий параметр поисков). Лично Дениса это, во-первых, удивляло. При советской власти заявленный принцип опровергался

постоянно — и ничего, Татария жила и благоденствовала. Во-вторых, такой подход Кремля федерального инспектора расстраивал. Вопреки фамилии, отчеству и записям в анкетных данных, Денис себя татаринком не считал. И при получении первого паспорта, между прочим, записался русским — уж простите, по матери. Из новых паспортов графа «национальность» исчезла, зато торжество так называемого федерализма подняло нацменов на щит. Соответственно, публичного обсуждения проблем идентификации Денис Сайфиев избегал, с татарами, которые считали его своим, не спорил. Таких татар было немного — зато среди них был ГФИ. С его поддержкой Денис мог не опасаться за развитие карьеры, которое, естественно, в один Татарстан не уперлось. А то обстоятельство, что начальство вело происхождение из сибирских краев и родного языка почти не знало, позволяло и фединспектору поплевывать на всех недоброжелателей и на проблему изучения второго государственного языка. Впрочем, необходимый минимум в тысячу слов Сайфиев освоил и даже получил по этому поводу сертификат и похвалу начальства. Ведь от федерального чиновника знания *basic tatar* не требовалось. От него требовалось доскональное владение ситуацией по месту службы. А в этом владении язык был сугубо факультативным доминионом.

Знакомство с раскладами внутри четырехмиллионного отряда татар, посеянного за пределами исторической родины, было совсем лишним. Приглашение варягов на княжение в последние годы практиковалось активно, но нигде — или почти нигде — итоги эксперимента не были признаны удачными. Денис это знал от ГФИ, поэтому при подготовке списка кандидатов стоически игнорировал попытки занести в лонг-лист запредельщиков. Несмотря на то что ходатаи этого варианта были страшно настойчивы и трактовали глагол «занести» предельно широко.

В общем, Сайфиев был убежден, что ликвидированный полпредом список является единственно возможным. Кабы

это было мнение одного Дениса, можно было бы подергаться. Но уверенности нескольких десятков профессиональных политиков и политологов, вынудивших и пошинковавших за последние месяцы душу Дениса (или что там от нее сохранилось после того, как он стал федеральным инспектором), противопоставить было решительно нечего.

Ресурсов не осталось. Это было не то что плохо или ужасно. Это был конец карьеры и смыл федерального инспектора по Республике Татарстан Сайфиева Дениса Маратовича в канализацию. Равнодушный и безвозвратный.

Смываться не хотелось.

Денис распахнул окно и проделал сяо пао цюань таолу. Это помогло успокоиться и понять, что надо предельно сузить задачу. Последние полчаса Денис пытался найти пресловутую кошку в пресловутой комнате. Что было глупо и не отвечало требованиям субординации. Дело Дениса было собачье: провести инвентаризацию кошек и отчитаться. А идентифицировать, определить окрас и интронизировать кошку предстояло ГФИ и президенту страны.

Техническая проблема требовала технического подхода. До конца рабочего дня оставалось шесть часов. Даже девять — с учетом того, что ГФИ раньше двадцати одного ноль-ноль домой сроду не уходил. Достаточно, чтобы тупо обзвонить коллег в соседних регионах, еще раз обменяться опытом составления списков и применить подсказанные методики на местном материале.

Хватило двух часов. В четырнадцать ноль-ноль Денис ворвался в кабинет ГФИ, размахивая сцепленной парой листов. Это был не список, а развернутая справка на одного человека. Большого и не требовалось.

Главный федеральный инспектор

— А чего ты так радуешься-то? — строго спросил Шайхельисламов. — Если ты прав, мы полгода зарплату зря получали.

— Вот именно! — восторженно подтвердил Сайфиев. — Мне когда Серега Николаев сказал: так вы с глав и начните...

— Что за Николаев? — насторожился главный фединспектор.

— Ну, кировский инспектор, Серега, мы с ним вместе по кадровой программе Кириенко шли.

Шайхельисламов кивнул. Сайфиев продолжил:

— Вот, и Серега мне говорит: в правильных олигархах и гендирах крупных компаний руководство разочаровалось. Так что первым делом главы и бывшие главы, особенно снятые за последние год-два. Я еще подумал: вот он мне будет азбуки рассказывать, как будто мы не знаем. Ну, Николаев еще пару таких вот общих мест сказал, я «спасибо» говорю, а сам думаю: голяк, надо всем остальным звонить. Но все-таки решил себя проверить, список районов взял, и читаю: Агрызский — ну, там Марченко, сразу не подходит, Аждахаевский, значит, Азнакаевский — это Камалов, стопудово человек Мухутдинова... А потом так себе: стоять. А чего ради это я Аждахаево проскочил? Потом начал вспоминать. И что получается. Ни разу ни одна зараза про Насырова ни слова не сказала. Ни в совете, ни просто так. Контент-анализ по СМИ быстренько запустил — еще интереснее выходит. Полтора года назад Насыров был в двадцатке самых упоминаемых политиков республики. Потом — резкий спад. А с конца прошлого года — вообще как отрезало. Как будто нет такого главы и такого района. Даже в криминальной хронике не проскакивает, а так не бывает. Вот что это значит, Ренат Асрарович?

— И что это значит, Денис Маратович? — покорно переспросил ГФИ.

— А то, что примерно в это время мы объявили о начале непубличных консультаций по поводу кандидатуры будущего президента.

— И что, прямо вся элита, партии и журналисты дружно сплотились против Насырова?

— Ну, тут вообще странно. Вы же видите.

ГФИ снова углубился в справку. Он видел, что тут вообще странно.

Альберт Насыров родился пятьдесят четыре года назад в Бавлинском районе Татарстана. Окончил Казанский сельхозинститут и Академию народного хозяйства при Совмине Союза. В советское время шел сначала по комсомольской, потом по профсоюзной линии, но вовремя перековался в крепкие хозяйственники: возглавил крупный бавлинский совхоз, был замечен, попал в казанскую номенклатуру: стал начальником отдела в Минсельхозпроде, затем замминистра, наконец, министром. Говорили, что Мухутдинов ему благоволит. Так что быть бы Насырову вице-премьером, а потом и премьером правительства республики. Но карьере сгубил буйный нрав министра. Четыре года назад очередное совещание в честь завершения уборочной завершилось банкетом, а банкет — скандалом. Насыров подрался с министром внутренних дел. Причина и прочие подробности инцидента остались тайной. Но, судя по последствиям, зачинщиком (и победителем) оказался именно Насыров. Во всяком случае, главный милиционер появился на работе только через пару недель, официально проведенных в отпуске. К тому времени Насыров уже вылетел из кресла — прямо в малопочетную ссылку, местом которой был определен заброшенный Аждахаевский район.

Естественно, глава МВД также продержался на посту недолго — Мухутдинов, при всех его недостатках, лузеров в окружении не любил. Москве такой силовик тоже был не слишком нужен. Новым главой МВД стал начальник местной криминальной милиции, бывший чемпион милицейского спецназа по рукопашному бою (федеральное министерство тогда в очередной раз отказалось от разгульной межрегиональной ротации кадров). А Насыров, перед которым была прозрачная альтернатива: сгинуть в изгнании подобно Меншикову или

искупить вину доблестным трудом, — умудрился найти третий вариант.

Он в короткие сроки преодолел депрессию с запоем и принялся рьяно поднимать новый участок работы. Поначалу не без помощи Казани, которая все-таки не стала добивать вешлом упавшего за борт товарища. Насырову удалось перерегистрировать в Аждахаеве дочку «Татнефтегаза» и разом вдвое увеличить поступления в местный бюджет. Далее бюджет утроился — уже без помощи республиканского центра.

Насыров ввел режим наибольшего благоприятствования для местного бизнеса, не только объявил, но и добился регистрации юрлиц в течение двух часов и принялся перекупать в соседних районах толковые кадры, которые расставил на ключевые посты в госструктурах и на контролируемых администрацией предприятиях. В том числе в аграрном секторе, в котором глава администрации фактически восстановил самую заскорузлую госмонополию. Она оказалась удивительно плодотворной.

Одновременно Насыров нырнул в омут социальных проблем. За два последних года жилфонд в Аждахаеве распух на треть — исключительно за счет коттеджей, строившихся в рамках районной ипотечной программы. Впрочем, процентов двадцать нового жилого фонда возводилось за счет средств, сэкономленных отказом от строительства нескольких новых школ. Отказ случился еще до впадения района в полосу информационного отчуждения и вызвал большой скандал. Однако Насыров доказал с цифрами в руках, что при самых благоприятных вариантах демографического развития района в ближайшие десять лет уже существующие школы не будут загружены больше чем на восемьдесят процентов. Поэтому надо не строить новые коробки, которые потом придется за копейки перепродавать под офисы и базы отдыха, а интенсифицировать использование имеющихся мощностей.

В рамках интенсификации глава назначил солидные стипендии и гарантировал жилье аждахаевцам, которые учились

в казанских вузах и подписались под обязательством применять навыки высшего образования на малой родине. Забавно, что стипендии действительно платились, жилье выделялось, молодые специалисты возвращались, а два невозвращенца стали фигурантами показательных процессов, по итогам которых им придется выплачивать полученные за пять лет стипендии с процентами. Не факт, что именно из-за этого — но отток молодежи из района последние годы держался на рекордно низком для республики уровне. А с учетом скупки новых кадров аждахаевцы оказались единственным сельским регионом с заметным приростом населения.

Ради той же интенсификации районные власти запустили программу школьных автобусов. Нельзя сказать, что Аждахаев первым придумало перенести этот опыт, распропагандированный Голливудом, на татарскую землю. Но Аждахаев оказалось первым субъектом республики, в котором автобусы возили только школьников, не отвлекаясь на решение насущных коммерческих задач даже в базарные дни.

В общем, Насыров выглядел воплощением горячих мечтаний руссоистов, толстовцев и лично Гоголя Николая Васильевича в период написания второго тома поэмы «Мертвые души». Главным героем передовой статьи в газете «Сельская новь», а то и «Правда» образца 1986 года. Или официального органа «Единой России». Что, впрочем, одинаково. Главное — аждахаевский глава был идеальным кандидатом. Это бросалось в глаза со скоростью хорошего хука, было очевидно до рези. Той, что поражала глаз и мозг любого, кто попытался бы разыскать Насырова в списках претендентов — да и вообще в пределах татарстанской горизонтали власти.

Этого Шайхельисламов понять не мог. Потому и был остро недоволен — вопреки ситуации.

Впрочем, концовка справки давала хотя бы возможность выдвинуть логичную версию, объясняющую обнаруженный феномен.

Главный подвиг Насырова был эпичен: глава дал райцентру воду. Вся инфраструктура, необходимая для водоснабжения, в том числе горячего, была выстроена еще в конце восьмидесятых. Но запустить ее толком не удалось — систему так и не замкнули на дееспособный водоисточник. В постсоветские времена выяснилось, что строить новый водозабор на Каме не хватает штанов ни у района, ни у республики. Пришлось пристегивать Аждахаево к водозабору местных управлений «Татнефтегаза». Но их возможности были скудными. Вода в домах райцентра просачивалась на три часа в сутки — с шести до семи утра и с семи до девяти вечера.

Все предшественники Насырова начинали с попытки решить эту проблему: стучали кулаком на руководство «Татнефтегаза», рыдали на совещаниях в Казанском кремле, пара особо удачливых даже вписалась в федеральные программы. А толку не было.

Насыров поначалу пошел тем же дурным путем, но быстро соскочил с колеи подобно юному Володе Ульянову. Зажав под свое крыло часть «Татнефтегаза», он уверенными пинками загнал в угол его геолого-разведочное подразделение, каковое поставил перед очевидным выбором: или жить ему будет плохо и неприятно, или оно найдет и доставит в краны аждахаевцев качественную воду.

Геологи, частью жившие в Аждахаеве, в ответ вывалили на стол пакет документации, согласно которой район располагал богатейшими — до девяноста тысяч кубометров в сутки — запасами кристально чистой воды. Проблема состояла только в том, что линзы с водой были разбросаны по недрам в лучшем случае на километровой глубине. Причем большая часть случаев была худшей.

Но после того как на первый листок из кипы документов упал жаркий взгляд Альберта Насырова, проблему можно было считать ушедшей из жизни как пирамидальные пакеты для молока — незаметно, но безвозвратно.

Теперь в Аждахаевском районе была вода. Везде. Хоть залейся. Великолепного качества. Правда, только холодная — поселковая котельная за истекшие десятилетия состарилась и пала. Но аждахаевцы не переживали — напротив, говорили, что преступление греть или хлорировать живую воду, за которой знающие люди приезжают из соседних, а хорошо знающие — и из отдаленных районов. В подтверждение неофиты демонстрировали вырезки из местных газет, утверждавших, что артезианская вода в Аждахаеве способствовала эпителизации, укрепляла иммунитет, выводила какие-то шлаки из организма, стимулировала секрецию инсулина, обеспечивала общий тонус и даже действовала как афродизиак. Самое забавное, что казанские специалисты, призванные проверить эти заявления и успевшие откомментировать их до стирания района с событийной карты республики, признали, что не все в этих словах вранье. Ссылались спецы на какие-то темные факторы вроде позитивной ионизации, антитоксической ферментации и слабого защелачивания микрофлорной среды.

— Так, может, в этом и дело, — сказал ГФИ, дочитав справку.

— В смысле? — не понял Денис.

— Насыров живую воду раскопал. Теперь собирается бутылковать. Класс «премиум», все такое. Вот, написано: пуск завода планировался на этот год, объемы в перспективе до сорока миллионов литров в год. Это не баран чихнул. Я так понимаю, казанских экспертов конкуренты привлекли, чтобы на корню проект загасить. Заранее. А раз спецы такие честные оказались, начали рекламу бесплатную толкать... Или Насыров их перекупил? Тогда вообще молодец, а?... В общем, заказчики увидели такое дело — и вообще район того... деклассировали. Они могут, ты знаешь.

Денис кивнул. Он знал, что разлив воды и безалкогольных напитков в Татарстане курировал сын главы мухутдиновской администрации. Он мог если не все, то почти все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru